

**РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ГЛАГОЛЫ
КОЛЕБАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ: СЕМАНТИКА И ТИПОЛОГИЯ¹**

Е.В. Рахилина, И.А. Прокофьева

Введение

Настоящая работа продолжает серию наших публикаций, касающихся сопоставительной семантики глаголов способа движения разных семантических групп в двух близкородственных славянских языках: польском и русском. Эта работа – в самом своем начале, около двух лет назад, – была поддержана Татьяной Михайловной, которая сама занималась сопоставлением славянских языков в разных аспектах, ср. например, Николаева 1986, 1988 и 2000, часть 2, § 3. Заинтересовавшись темой, Татьяна Михайловна пригласила авторов прочесть доклад на руководимом ею лингвистическом семинаре Института славяноведения и Балканистики РАН, а затем предложила опубликовать готовый к тому времени фрагмент в журнале «Вопросы языкознания». Мы благодарим всех участников обсуждения доклада за интерес к этому исследованию и полезную дискуссию, а Татьяну Михайловну еще и за теплое и внимательное отношение к авторам этой статьи – как начинающим славистам.

Первая из рассмотренных нами групп глаголов – глаголы *вращения* (см. Рахилина, Прокофьева 2003) – практически целиком состояла из когнатов, т.е. этимологически родственных глаголов (ср. англ. термин *cognate*). Во второй группе, к описанию которой мы теперь приступаем, – группе глаголов *качания*² – между польским и русским, наоборот, почти совсем нет этимологических пересечений.

Действительно, семантическое поле колебательных движений представлено в русском языке глаголами *качаться, шататься, колышаться*, а также в очень небольшой степени – глаголами *кивать* и *колебаться*; в польском же это поле описывают глаголы *huśtać się, kołysać się, chwiać się, kiwać (się), bujać się, chybotać (się)* – таким образом, на роль когнатов претендуют разве что пары *колышаться – kołysać się* и *кивать – kiwać (się)*. Отсюда следует, что в поле колебательного движения эти славянские языки разошлись значительно.

¹Настоящая работа поддержана грантом РГНФ 02-04-00303а.

² Работа опирается на данные словарей – как двуязычных, так и толковых, и материал корпусов текстов (использовались примеры из Архива Национального корпуса русского языка и из корпусов польских текстов; при поиске русских примеров применялась программа, составленная А.В. Санниковым), а также опросы информантов, носителей польского и русского языков.

Отметим, что и сама структура поля различается в русском и польском: в русском есть «главный» глагол *качаться*, «ответственный» за колебательные движения самых разных типов (см. подробнее Рахилина 2001), остальные же глаголы явно составляют периферию: для *шататься* и *колебаться* наиболее частотными стали переносные значения (ср. *шататься* как ‘бесцельно передвигаться’, ‘бродить’, и в еще большей степени – *колебаться* как ‘сомневаться’; кстати, польское *kolebać*, по нашим данным, в современном литературном языке совсем потеряло собственно колебательное значение³). В польском картина более однородная: каждый из перечисленных глаголов достаточно употребителен в своей узкой семантической области, и сами эти области вполне сопоставимы по объему.

В этой статье мы покажем, что степень сопоставимости польского и русского языков в зоне колебательного движения, тем не менее, остается почти такой же, как и в зоне вращения: в обоих случаях сравниваемые системы, с одной стороны, значительно различаются, с другой стороны, в них выделяются и общие параметры. Последние претендуют на то, чтобы быть когнитивно и типологически релевантными – из этого можно исходить при дальнейшем, более широком типологическом исследовании.

1. *Кивать* – *kiwać* (*się*)

Русское *кивать* – каузативный глагол, имеющий специальную, очень узкую область действия: он употребляется в смысле ‘кивать головой’ о человеке в знак согласия. Польский когнат существует в двух вариантах – каузативном – *kiwać* и некаузативном *kiwać się*. Каузативное *kiwać* вбирает в себя «русские» семиотически нагруженные контексты, ср.:

Tak u nas zawsze - odrzekł kiwając głową ksiądz biskup poznański (H. Sienkiewicz. Potop) ‘Так у нас всегда — ответил, *кивая* головой, епископ Познаньский’,

однако оно значительно шире русского по значению, ср. словарное толкование в PSJP: ‘двигать чем-либо попеременно в двух противоположных направлениях, качать, махать’. Ср.:

- *Chodź tu!... - rzekł z cicha, kiwając gwałtownie ręką* (A. Wiśniewski-Snerg. Anioł przemocy) ‘– Иди сюда! – тихо сказал он, энергично *махая* рукой’.

³ Видимо, то же относится и к глаголу *wahać się* ‘сомневаться’, хотя в прошлом этот глагол, бесспорно, входил в систему польских глаголов качания как один из основных, ср. производное *wahadeł* со значением ‘маятник’; ср. здесь же польское *kolebka*, производное от глагола *kolebać* со значением ‘люлька, колыбель’.

Pan Michał począł kiwać ręką, aby mu nie przeszkadzano, i czas jeszcze jakiś słuchał pilno, na koniec zbliżył się do towarzyszków (H. Sienkiewicz. *Ogniem i mieczem*). ‘Пан Михал начал **махать** рукой, чтобы ему не мешали, и еще некоторое время внимательно слушал, пока не подошел наконец к товарищам’.

Kiwać может, таким образом, применяться и к разным частям тела, таким как рука (или платок как продолжение руки), нога, палец и даже хобот. Больше всего это напоминает русский глагол *махать*, ср. *махать рукой / платком* [Рахилина 2002]. Однако полной симметрии с русским *махать* у польского *kiwać* все же нет. Например, нога, в отличие от русского *махать*, при *kiwać* движется только от колена – соответствующее движение в русском описывается глаголом *качать* (см. также раздел 3).

Возвратный некаузативный *kiwać się* обозначает любые ситуации, в которых происходит колебание верхней части вытянутого объекта независимо от нижней, так что объект перегибается – как бы кланяется, ср.:

Kwiatek kiwał się na długiej wysokiej szczyplce (J. Brzechwa. *Gdy owoc dojrzewa*) ‘Цветок **качался** на длинном высоком стебле’.

<...> *zauważył w końcu, że ryg jednorożca zaczął się niebezpiecznie kiwać w prawo i w lewo* (E. Marczyńska. *Arkadia*) ‘Он наконец заметил, что рог единорога начал опасно **качаться** вправо и влево...’

Таким образом, оба польских глагола обслуживают зону колебательных движений, причем если каузативный конкурирует с русским *кивать*, значительно перекрывая допустимую для него область значений и вторгаясь в зону *махать* и *качать*, то возвратный выделяет подкласс употреблений русского *качаться*.

2. Колыхаться – kołysać się.

Эта пара когнатов тоже имеет зону семантического пересечения: и в польском, и в русском колышутся «мягкие» горизонтальные поверхности, такие как пшеница или трава:

Trawy puściły się bujno...Rankiem namiestnik, jadąc na czele swych ludzi, jechał jakby morzem, którego falą ruchliwą była kołysana wiatrem trawa (S. Żeromski. *Przedwiośnie*) ‘Травы буйно разрослись... Утром наместник во главе своих людей ехал как будто по морю, бегущей волной которого была **колыхавшаяся** под ветром трава’.

Возможно, эта ситуация является прототипической для обоих языков. Однако в современном русском в сферу действия глагола *колыхаться* попадают и вертикальные «мягкие» поверхности (занавески, флаги) – и на этом она фактически исчерпывается. В художественных текстах дополнением к этим основным контекстам могут служить те, в которых колышется – от смеха, кашля, движения – тело очень полного человека (такое тело тоже можно рассматривать как своего рода «мягкую поверхность»), в особенности, живот, щеки или женская грудь, ср. следующий характерный пример:

*На трибуне плавала и **колыхалась** Анна Богумиловна Побияхо, колыхались все ее подбородки, наплывающие на объемистую грудь, прыгали на груди красные бусы* (Вл. Дудинцев. Белые одежды).

Значение польского глагола *kołysać się*, как и в первой паре когнатов, оказывается гораздо шире. Его семантической доминантой является не характер поверхности, а слабая амплитуда колебаний, и это делает круг объектов, подпадающих под действие данного глагола, разнообразнее: *kołysać się* описывает и несильно колеблемые поверхности (прежде всего, воду) и, метонимически, все предметы на такой поверхности, и закрепленные снизу объекты, и даже маятникообразные объекты – лишь бы амплитуда их колебаний была невелика, ср.:

*Na wodzie **kołysały się** resztki rybackiej łydki.* ‘На воде **качались** обломки рыбацкой лодки’.

Kajak kołysał się na falach. ‘Байдарка качалась на волнах’ (пример из Wojar 1979)

*Drzewa **kołysały się** powoli a cicho szeleszczące liście delikatnie usypiały.* (B. Leśmian. Rybak i geniusz) ‘Деревья несильно **покачивались**, а тихо шелестящие листья нежно усыпляли...’

*5 w skali Mercalogo, a to znaczy, że rysowały się mury, przesuwały lekkie przedmioty i **kołysały** żyrandole...* (Tygodnik Podhalański № 44) ‘Пять баллов по шкале Мерцалова — а это значит, что трескались стены, передвигались легкие предметы и **качались** люстры’.

*Wagon niebezpiecznie **kołysał się**.* *Pociąg szarpnął kilka razy, wprowadzając w motłoch dreszczyk emocji.* ‘Вагон опасно **качался**. Поезд несколько раз дернулся, приводя толпу в дрожь’.

Уже из переводов этих примеров видно, что для русского языка все это – привилегированная зона глагола *качаться*, а более точно, его приставочного коррелята *покачиваться*⁴.

Зато мягкие вертикальные поверхности не описываются польским *kołysał się*: их способ качания в польской картине мира «объединяется» с движением неустойчивых «жестких» вертикальных объектов, см. раздел 4.

3. Качаться / раскачиваться – *huścić się*

Релевантность признака амплитуды колебаний для польского обнаруживается и на примере семантики глагола *huścić się*: он соотносится прежде всего с ситуациями, которые на русский можно было бы перевести с помощью глагола *раскачиваться*, т.е. описывает движение колебаниями большой амплитуды:

Radek z rozędu zawisł na metalowej bramce, która stała na stadionie; huścił się. Bramka przewróciła się ... ‘Радек с разбегу повис на металлических воротах, стоящих на стадионе, *раскачался*. Ворота перевернулись...’

...wisiał uczepiony rękami i nogami u wahadła zegara i huścił się na nim jak na huściawce, powtarzając raz po raz głośno: “Tik-tak ...” (J. Brzechwa. Tryumf Pana Kleksa) ‘...висел, прикрепившись ногами и руками к маятнику часов, и *раскачивался* на нем, как на качелях, повторяя громко раз за разом: “Тик-так...”’ В подавляющем большинстве так качаются маятниковообразные объекты⁵ – в русском языке единственный способ описать их движение – независимо от амплитуды – это «основной» колебательный глагол *качаться*.

⁴ Между тем, еще в 19 веке и даже в первой половине 20-го русский был, видимо, значительно ближе к польскому в отношении семантики глагола *колыхаться*, ср.: <...> *колышиа ногою люльку и напевая песню, которая как будто теперь слышится мне* (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки); <...> *коляска выехала со двора и пошла колыхаться по засохшим кочкам немощеного переулка* (И. Гончаров. Обломов); *Капитан колыхался, жестикулировал, начинал возражать, но Николай Всеволодович каждый раз повелительно его останавливал* (Ф. Достоевский. Бесы); *В ожидании воды Цинциннат сел за стол, стол сегодня немножко колыхался* (В. Набоков. Приглашение на казнь); *... громадные грузовики, колышиа и бренча цепями...* (М. Булгаков. Роковые яйца) и под.

⁵ В нашем корпусе иногда встречались и примеры закрепленных снизу объектов, и даже водной поверхности – впрочем, и в этих случаях всегда описывались значительные колебания, ср. *раскачиваться*: *... Lecz aż tak gwałtownej burzy dotąd nie przeżył. Dąb huścił się, wstrząsany rogujami* (J. Grabowski. Reksio i Pucek i inne opowiadania) ‘Но настолько сильной бури он до того момента не переживал. Дуб *раскачивался*, сотрясаемый порывами’; *Wtedy starzy bacowie mówią, że na Bałtyku jest sztorm, bo się w stawie woda huści* (J. Kwiatek. Polska: Urokliwy świat małych miasteczek) ‘Тогда говорят, что в Балтийском море шторм, поскольку в заливе вода *ходит ходуном*’.

Наши исследования (Рахилина 2001) показывают, что в русском при этом в фокус внимания говорящего попадает именно подвешенный объект, тогда как подвеска «видится» повторяющей его движения и не принимается во внимание – как если бы она была жесткой или подвешенный груз очень тяжелым. Случаи «мягкой» подвески, со своей собственной траекторией движения, которая «берет на себя» фокус внимания, выделяются русским языком в отдельный класс и описываются глаголом *махать* (поэтому можно: *махать*, но не **качать хвостом, руками, платком* и др.)

Особый интерес представляет пара *качать-махать ногой*: *машут* ногой от бедра – как «мягкой подвеской», движущейся свободно, а *качают* – ногой от колена, т.е. фактически – стопой, жестко связанной с коленом повторяющей движение стопы голенью. Тем самым, лексема *нога* в этих сочетаниях используется в двух разных значениях – как ‘leg’ в случае с *махать* и как ‘foot’ в случае с *качать* (о других проявлениях такого противопоставления в русском языке см. Рахилина 2000: 127, 167).

4. Качаться / шататься – *chwiać się*: неустойчивость.

В особый класс ситуаций оба языка выделяют колебания теряющих устойчивость вертикальных объектов, закрепленных снизу. В русском в этой зоне действует – параллельно с *качаться* – глагол *шататься*, который, в отличие от более общего *качаться* специально выбирает ситуации, связанные с неустойчивостью предметов по причине деформации: *зуб качается / шатается, забор качается / шатается*, но: *подсолнух качался / *шатался на высокой ножке, камыш качался / *шатался* и под.

Данное противопоставление сохраняется и для приподнятых опор: русский язык хорошо различает две ситуации: когда опорная поверхность просто неустойчива и когда она неустойчива ввиду деформации или ветхости, т.е. не закреплена или плохо закреплена, а не только подвижна. В первом случае используется нейтральный *качаться*, во втором предпочтителен *шататься*:

(9) *Гнилые скамейки шатались* (²*качались*), *когда я на них садился* (К. Паустовский. Повесть о жизни: Далекie годы)⁶, ср. также *шаткие мостки*.

По отношению к именам лиц – нетвердо стоящим на ногах людям – *шататься* используется в причинных контекстах (*шататься от голода /*

⁶ Ясно, что граница между этими ситуациями не жесткая, так что обычно *шататься* все-таки заменяется на *качаться* (если говорящий старается игнорировать идею деформации) – но не наоборот: вместо *качаться на волнах* довольно трудно себе представить **шататься на волнах*.

Именно этот круг употреблений, описывающих деформацию и разрушение опоры, дает основу распространенному переносному значению, связанному с потерей «идеологических устоев», ср.: *вера шатается, трон шатается, шатания* и др. (по наблюдениям Н.Д. Арутюновой, таких употреблений *шататься* особенно много у Ф.М. Достоевского, прежде всего, в «Бесах», отсюда и фамилия героя Шатов, см. Арутюнова 2004).

усталости / горя и под.); для качаться такой тип управления не характерен, так что взаимозамена глаголов предпочтительна в тех случаях, где причина не выражена, ср.:

(12) Он изображает пьяного и **шатается** / качается вместе с колесом (Ю. Олеша, В цирке),

но:

(13) А вот и я, почти один, выхожу наконец из поезда, опять с моим подлинным именем, и, **шатаясь** / ?? качаясь от усталости и голода, иду в первый класс (И. Бунин. Жизнь Арсеньева);

(14) **Шатались** / *качались от истощения куры с выдранными хвостами (А. Толстой, Золотой ключик, или приключения Буратино)⁷.

В польском колебательные движения закрепленных снизу объектов передаются глаголом **chwiać się** – тем же, что описывает колебание гибких вертикальных поверхностей, например, занавесок (см. раздел 2), поэтому для вертикальных объектов идея деформации и разрушения, хотя и присутствует в большинстве примеров, не так обязательна, как для русского шататься, ср. примеры типа:

Dziecko było bardzo zaniedbane brudne i wychudzone. Jego zęby chwiały się, dziąsła krwawiły (G. Walczak. Anioł ze starego miasta) ‘Ребенок был очень неухоженным, грязным и исхудавшим. Зубы у него **шатались**, десны кровоточили’,

но и:

Nad głowami idących chwiały się rozpięte na drążkach białe płótna z napisami (E. Orzeszkowa. Nad Niemnem) ‘Над головами шедших **колыхались** растянутые на полках полотна с надписями’,

а также:

⁷ У шататься есть еще одно переносное значение – беспорядочного движения в пространстве, восходящее, как верно замечено в Левонтина, Шмелев 1999: 274, к идее незакрепленности движущегося объекта: *шататься из угла в угол, шататься по улицам*, ср. также *медведь-шатун* и др. В современном языке круг употреблений шататься уже, чем в древнерусском (где шататься, а не качаться был основным глаголом колебательных движений), но практически тот же, что в XIX в. – однако в зоне беспорядочного движения шататься еще в пушкинскую эпоху употреблялось шире, чем теперь, ср.:

В должности коменданта состоящий в Яицком городке подполковник Симанов 15 сентября рапортовал, что отставной яицкой сотник объявил, что Пугачев шатается [теперь бы, наверное, сказали: *разгуливает*] *по степи в 100 верстах от Яицкого Городка к Сызрану* <... > (А. Пушкин. Материалы к "Истории Пугачева").

<...> *ino tupot nóg się rozlegał glucho, ino te drzewa przydrożne **chwiały się niespokojnie**...* (Reimont. Chłopi) ‘<...> раздался глухой топот ног, придорожные деревья беспокойно **качались**...’

Одновременно польское *chwiały się* разрабатывает идею неустойчивости значительно подробнее, чем русское *шататься*: он «обслуживает» и потерявшие устойчивость горизонтальные поверхности, что для русского языка недопустимо, ср.: ... *czujemy pod nogami trwałe, pewny grunt który się **nie chwieje*** (M. Jarosz. Deja vu i inne opowiadania) ‘... чувствуем под ногами твердый грунт, который <букв.> **не шатается**’. Обратим внимание, что перевод этого предложения с помощью *качаться* будет так же неудачен: в русском такая ситуация, скорее, игнорируется языком («следы» ее видны лишь в употреблении адъективного *шаткий*: *шаткие мостки*)⁸.

5. *Chybotać (się)*.

Параметр неустойчивости занимает особое место в польской лексической системе: он релевантен для семантики еще одного польского глагола, а именно, *chybotać (się)*⁹. Этот глагол подразумевает колебательные движения (с небольшой амплитудой) одновременно всех частей объекта: так ведет себя пламя свечи, веревочная лестница или тряская поверхность болота¹⁰ (ср. здесь родственное *chyba* – ‘возможно, может быть’):

Goście siedzieli przy stolikach, świece migotały i się chygotały, a słowa i uczucia... ‘Гости сидели за столами, свечи мигали и **дрожали**, а слова и чувства...’

Chygotała się lampa w ręku Santany. ‘**Дрожала** лампа в руке Сантаны’.

<...> *a obok **chybocze** cień Wojciecha z Kalisza* ‘А рядом **колеблется** тень Войцеха из Калиша...’

⁸ Что касается канонических употреблений *качаться* применительно к горизонтальным поверхностям типа: *палуба качается*, то они ориентируются прежде всего на ситуацию колебаний опоры (воды), а не потерю устойчивости ввиду деформации. Обратим внимание и на то, что русское *качаться* практически не применимо к самой водной поверхности (при том, что в польском колебания воды описываются не одним глаголом – в таком контексте в разных случаях допустимы и *huśtać się* (при больших колебаниях), и *kołysać się* (при легких колебаниях), и *chybotać (się)*, и *bijać się*), см. след. разделы – русское «горизонтальное» *качаться* в подавляющем большинстве случаев описывает не воду, а колеблемые водой предметы.

⁹ Глагол *chybotać* употребляется как непереходный или с творительным объекта; параллельно используется возвратная форма с *się*, причем PSJP определяет ее просто как усиительную для глагола *chybotać*; семантические различия между этими формами остались пока неясны.

¹⁰Заметим, что к вертикальным объектам (которые, как мы видели, в польском обслуживаются глаголом *chwiać się*), *chybotać (się)* не применим.

Całe bagno *chybotało* pod stopami (M. Rodzewiczowna. Lato leśnych ludzi) ‘Все болото *дрожило* под ногами...’

Интересно, что в тот же класс приемлемых для *chybotać* (*się*) объектов попадают и старые вещи, готовые вот-вот развалиться, рассыпаться (как если бы все их части потеряли устойчивость – ср. также русск. *хибарка*):

<...> *górką rzeką. Szliśmy w skupieniu, trzeba było bardzo uważać, kładka się chybotala, co trzeciej klepki brakowało, a te, co były, trzeszczały ...* ‘<...> горная река. Мы шли вместе, нужно было быть очень внимательными, мост *дрожал ходил под ногами / шатался*, каждой третьей доски не хватало, а те, которые были, трещали...’

– *Przednie koło nieco się chybotcze - zauważył. - Przystanie, kiedy pan przestanie nim trząść - odparłem. Koło bowiem nie chybotalo się wcale...* (K. Grochola. Nigdy w życiu) ‘Переднее колесо немного болтается – заметил он. – Перестанет, когда вы перестанете его трясти, – ответил я. Ведь колесо совсем не *болталось*...’

Никакого прямого аналога в русском этому предикату нет. Наиболее близок, видимо, судя по переводам, глагол *дрожать* в метафорических употреблениях, т.е. применительно к неживым объектам, потому что он имеет в виду мелкие колебания всего объекта. Для устройств с плохо пригнанными частями (как в последнем примере) хорошим эквивалентом может быть русское *болтаться*: у него именно такая узкая зона применения в значении колебательного движения; для опор-артефактов (как в примере с мостом) «подходит» глагол *шататься*.

6. *Bujać się*: колебания на опоре.

Еще один тип колебательных движений, который специально выделяется в польском и не имеет хорошего русского аналога – это колебания предмета на опорной поверхности, причем либо на поверхности устойчивой и неподвижной (ср. движение кресла-качалки), либо на подвижной, за счет ее собственных колебаний (ср. пассажир в транспорте, чайник на плите и др.) Оба эти типа ситуаций охватываются в польском одним глаголом *bujać się*:

U dziadka stal fotel na biegunach. Jeden s nich siadł na nim i wyraznie się przestraszył, gdy fotel zaczął się bujać. (G. Walczak. Anioł ze starego miasta) ‘У деда

стояло кресло-качалка. Один из них сел в него и очень испугался, когда кресло начало **качаться**’;

I będę się bujać z tym wszystkim w tramwaju (М. Dąbrowska. Opowiadania) ‘И я буду со всем этим **трястись** в трамвае’;

Czajnik lekko buja się na kuchence (К. Grochola. Serce na temblaku) ‘Чайник тихонько **трясется** на плите’.

В русском же они не объединяются: обобщенное *качаться* покрывает только первый тип и игнорирует второй, «оставляя» его глаголам близкой, но все же другой семантической группы (*трястись*).

Обратим внимание, что первое значение глагола *bujać się* – ‘летать, носиться в воздухе’, и это не случайно: в польской картине мира концепт движения в воздухе связан с идеей вертикального движения относительно опоры (именно так и нужно, видимо, описывать семантику второго, колебательного значения *bujać się*). Типологически такое совмещение данных концептов (в более широком контексте его можно описывать как ‘летать’/’прыгать’) релевантно для многих языков (ср., например, армянский или корейский). Интересно в этой связи и то, что польское *latać* ‘летать’ легко переносится на «колебательную» ситуацию ‘вздрагивать <о губах>’. Подробнее об этом типе семантического совмещения см. Плунгян, Рахилина 2004.

6. Колебаться: точка отсчета.

Русский глагол *колебаться* в подавляющем большинстве контекстов, причем начиная по крайней мере с пушкинского времени, используется для выражения неуверенности в выборе решения, ср.: *для всех, кто мыслит и колеблется...* (В. Ходасевич, Петербургские повести Пушкина). В то же время, у этого глагола есть и небольшая зона, в которой он применим к физическим объектам и конкурирует с другими глаголами колебательного движения.¹¹ В современном языке это зона подвижных нежестких объектов (прежде всего, нестабильной среды), которые, при небольших изменениях в своем положении в пространстве, тем не менее, имеют ясную «точку отсчета». Характерными субъектами являются для *колебаться* воздух, поверхность болота, иногда даже земли – если речь идет о несильном землетрясении, а также свет, звук, пламя, тени, ср. следующие примеры: *колебались в лазоревой степи костры* (Вс. Иванов); *колеблющийся, тревожный свет* (В. Кунин); *вслед за ним колебались тени, отчего и казалось, что впереди что-то шевелится* (В. Пелевин); *колебалась почва от тяжелых далеких ударов* (А. и Б. Стругацкие); *колебалось*

¹¹ Заметим также, что нейтральным обозначением такого движения служит имя, производное от этого глагола – *колебание*, а вовсе не *качание*, как можно было бы ожидать, исходя из сочетаемостных возможностей современного *качаться*.

розовое пламя (Ан. Приставкин) и под¹².

Интересно, что среди контекстов *колебаться* поверхность воды как таковая не встречается, зато очень часты примеры, в которых описывается движение беспокойного **отражения** в воде или предметов, видных сквозь воду:

<...> *тротуары блестели после дождя, и в лужах колебались отражения уличных фонарей* (А. Куприн. *Allez!*);

<...> *мачты дальних кораблей колебались на изумрудной воде Одесского залива* (И. Бабель, Любка Козак);

В метре-полтора от себя сквозь пронизанную солнцем воду он увидел длинные, мягко колеблющиеся ноги и плоско очерченный живот; плывущая фигура уходила вглубь, в полупрозрачную зеленоватую муть (И. Грекова. На испытаниях).

Кажется, это не случайно: и у пламени свечи, и у теней, и у поверхности болота, и у отражения в воде есть некое нейтральное положение (точка отсчета – когда отражение сохраняет форму, поверхность болота ровная, пламя свечи спокойно), легкие отклонения от которого, визуально различимые, описывается глаголом *колебаться*, как если бы образ объекта то возвращается в это исходное положение, то уходит чуть в сторону. Сама водная поверхность или мягкие поверхности типа развевающихся флагов дальше от этого прототипа: они все время подвижны. Тем не менее, есть (редкие) примеры, в которых *колебаться* «втягивает» в зону своих употреблений мягкие поверхности, представляя дело так, как если бы они не просто тяжело *качались* из стороны в сторону или легко *колыхались*, меняя форму, а отклонялись от исходного положения и возвращались назад, ср.:

Занавески на открытых окнах тихо колеблются (Александр Куприн. Река жизни),
а также:

Гординер открыл форточку: "Возвращайся до темноты!" Велимир выпрыгнул на карниз, спустился на низлежащую крышу и прошел к трубе, держа перпендикулярно колеблющийся, словно гвардейский султан, хвост (В.

¹² В XIX веке значение *колебаться*, видимо, все-таки было несколько шире, ср., например: *В мечтах пред ним носился образ высокой, стройной женщины, <...>, легко ступающей по ковру <...>, с колеблющейся талией, с грациозно положенной на плечи головой...* (И.А. Гончаров. *Обломов*), а также знаменитое *пускай <...> колеблет твой треножник* Пушкина. Между тем, по нашему исследованию, основанному на текстах Архива Национального корпуса, наиболее характерные примеры предметной сочетаемости *колебаться* того времени, как и в современном языке, описывают свет, свечи, звук голоса, тени, даль, туман, дым, трясину, падающий снег, камыши и под.

Аксенов. Московская сага).

С идеей отклонения от «точки отсчета», которая, как нам представляется, доминирует в семантике русского *колебаться*, связано сочетание *колебания весов*, ср. также в непрямом употреблении: *дрожат и колеблются весы моей жизни* (Е. Гинзбург), а также способность этого глагола управлять пространственными предлогами (например, предлогом *между*, сочетанием *в районе* и под.), задающими зону варьирования с точкой отсчета внутри нее, ср.: *Большинство показаний колеблется между 400 и 470 тысячами* (Е.В. Тарле. Наполеон)

Некоторые выводы

Семантика поля колебательных движений в русском и в польском определяется разными параметрами – они и обеспечивают различие в членении этого поля.

Для русского релевантным является различие между движением «мягких» и «жестких» объектов (*качаться* vs. *колыхаться*); кроме того, в отдельные классы выделяются колебание потерявших устойчивость крепления снизу вертикальных объектов (*качаться* vs. *шататься*) и незначительные отклонения от исходного состояния (обычно о нестабильной среде – *колебаться*).

Для польского важны амплитуда колебаний (большая: *huśtać się*; малая: *kołysać się*, *chwiać się*, *chybotać [się]*, *bijać się*) и параметр неустойчивости (ср. *chwiać się*, *chybotać (się)* и отчасти *bijać się*). Кроме того, польский, в отличие от русского, имеет возможность лексически противопоставить пять топологически различных типов колебательных ситуаций: движение маятника (*huśtać się*), раскачивание вертикального объекта, в том числе закрепленного снизу (*chwiać się*), колебательные движения на опорной поверхности (*bijać się*), колебания одной верхней части вертикального объекта (*kiwać się*) и мелкие колебания всех частей объекта, которые происходят одновременно и независимо друг от друга (*chybotać [się]*).

Тем не менее, из сопоставления этих систем видно, что противопоставление движения подвешенных и закрепленных снизу объектов, а также горизонтальных и вертикальных поверхностей очень важно для языковой картины мира. Эти параметры по-разному совмещены в польском и русском, но присутствуют в обоих языках. Бесспорный интерес с точки зрения лексической типологии представляет и идея неустойчивости объекта ввиду деформации, а

также естественные колебательные движения частей тела – головы, хвоста, рук и ног.

* * *

Мы искренне благодарим Магдалену Данилевичову, Ольгу Леонидовну Катречко и Валентину Григорьевну Кульпину, а также наших польских друзей-информантов за неоценимую помощь в работе над этой статьей.

Литература

Арутюнова, Н.Д. 2004. Колеблющийся мир Достоевского (в печати).

Левонтина, И.Б.; Шмелев, А.Д. 1999. *На своих двоих*: лексика пешего перемещения в русском языке. Логический анализ языка. Языки динамического мира, Дубна.

Николаева, Т.М. 1986. Славянские частицы и некоторые проблемы типологии // Советское славяноведение, 1986, N 1.

Николаева, Т.М. 1988. Типология функционирования посессивных конструкций в славянских языках // X Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., Наука, 1.

Николаева, Т.М. 2000. От звука к тексту. Языки русской культуры. М., 2000.

Плунгян, В.А., Рахилина Е.В. 2005. Типология глаголов со значением ‘летать’, ‘падать’ и ‘прыгать’. В печати.

Рахилина Е.В. 2001. О природе бесконечного движения: *качаться* // Prace filologiczne (Warszawa), t. XLVI, 493-502.

Рахилина Е.В., Прокофьева И.А., 2004. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания, N1.

Bojar B. 1979. Opis semantyczny czasowników ruchu oraz pojęć związanych z ruchem. Warszawa, UW.

PSJP: Podręczny słownik języka polskiego. Red. tomu Elżbieta Sobol. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1996.